

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЧЕРНИЛЬНОЕ СЕРДЦЕ»

КОРНЕЛИЯ ФУНКЕ

КОРОЛЬ ВОРОВ

КАЖДАЯ ПРИДУМАННАЯ ИСТОРИЯ МОЖЕТ СТАТЬ РЕАЛЬНОСТЬЮ...

Оглавление

Король воров

Несимпатичные клиенты

Странная троица

Звездная обитель

Король воров

Барбароса

Роковая случайность

Виктору не везёт

Сципио даёт ответ

Ночью все мы малыши

Послание

Виктор ждёт

Встреча в исповедальне

Выведал!

Недоброе чувство

Виктор получает взбучку

Конверт от графа

След

Тревога

В западне

Ночной посетитель

Как же быть?

Дом синьоры Спавенто

Ссоры и раздоры

Господин Массимо-младший

Честное слово

Ночной туалет

Одна старая история

[Лгунишка Сципио](#)
[Новый визит](#)
[Бедный, больной Виктор](#)
[Все враки зазря](#)
[Без Бо](#)
[Остров](#)
[Только записка](#)
[Отец и сын](#)
[К Виктору гости](#)
[Прибежище](#)
[Сиротский приют](#)
[Проспер](#)
[Все пропало](#)
[Остров Тайн](#)
[Ночной звонок](#)
[Бо в безопасности](#)
[Граф](#)
[Карусель](#)
[Барбароса перестарался](#)
[Расчет с Барбаросой](#)
[Знакомые незнакомцы](#)
[Сумасшедшая идея](#)
[Что теперь?](#)
[Приманка](#)
[Эстер](#)
[Все наладится, не так ли?](#)
[А потом...](#)
[Примечания](#)

Корнелия Функе

КОРОЛЬ ВОРОВ

Перевод М. Рудницкого

УДК 821.112.2-312.9-93

ББК 84(4Гем)-44

Ф94

Функе К.

В детстве так хочется поскорее стать взрослым. Мечтает об этом и Сципио. Он называет себя Королем воров и опекает беспризорных детей. А однажды получает задание, которое приводит его на остров Тайн. Тут-то и сбывается его заветная мечта — он превращается во взрослого.

Правда, все это происходит в Венеции, и сам город с его каналами, гондолами и дворцами становится действующим лицом этого авантюрного романа. И чудится порой, а уж не присутствуем ли мы на знаменитом венецианском карнавале?

УДК 821.112.2-312.9-93

ББК 84(4Гем)-44

© Рудницкий М. Л. Перевод на русский язык, 2012

© Оформление. Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2012
Machaon®

КОРОЛЬ ВОРОВ

*Взрослые не знают, что это такое -
быть ребенком.*

Даже когда утверждают обратное.

Они ничего об этом не помнят.

Ты уж поверь.

Они все позабыли.

*Забыли, каким огромным казался
им тогда мир.*

Как трудно было слезать со стула.

*И каково это было - все время
смотреть снизу вверх.*

Позабыли.

Не помнят напрочь.

И ты позабудешь.

*Взрослые, правда, любят поболтать о том,
как это было прекрасно -*

быть ребенком.

Иногда они даже мечтают

снова стать детьми.

Только вот о чем они мечтали,

когда детьми были?

Ты-то знаешь?

По-моему, они мечтали наконец-то

стать взрослыми.

Несимпатичные клиенты

Когда Виктор впервые услышал о Проспере и Бо, в городе Луны стояла осень. Солнце отражалось в глади каналов, ласково покрывая древние стены матовой позолотой, но ветер с моря задувал ледяной стужей, словно желая напомнить людям: скоро зима. В продрогших переулках вдруг запахло снегом, а осеннее солнышко если и пригревало слегка, то только каменные крылья ангелов и драконов на крышах.

Дом, где Виктор жил, да и работал, стоял на канале, настолько вплотную у самой воды, что внизу волны плескались и хлюпали о стены. Иногда ночами Виктору снилось, будто дом, а с ним и весь город тонут в этих волнах. Будто море смыло дамбу — эту тоненькую нить, что связала Венецию с сушей, словно привязанный к берегу ящик с золотом, — и вот-вот поглотит все: мосты и дома, дворцы и храмы — все, что люди столь отчаянно и отважно понастроили прямо на воде, можно сказать, у стихии под самым носом.

Но пока что все это стояло, держалось на своих деревянных ногах-сваях, и Виктор, прильнув к окну, сквозь мутноватую пелену запыленного стекла разглядывал все это великолепие. Ни одно место на свете не бахвалится своей красотой столь бесстыдно, как город Луны. Под лучами солнца, норовя перещеголять друг друга лоском, сияли шпили и арки, башни и купола. Что-то насвистывая, Виктор повернулся к окну спиной и подошел к зеркалу. «В самый раз погодка, чтобы новые усы опробовать», — подумал он, ощущая своим мощным загривком ласковое тепло утреннего солнышка. Только вчера он приобрел это новое украшение: шикарные усы, черные, густые, пышные — любому моржу на зависть. Аккуратно приклеив их себе под нос, он даже на цыпочки привстал, чтобы выглядеть внушительнее и выше, повернулся в одну сторону, потом в другую и настолько углубился в созерцание своего отражения, что шаги на лестнице услышал лишь тогда, когда они раздались уже под самой его дверью, где и замерли. Клиенты. Вот черт! Ну неужели как раз сейчас надо его отрывать?!

С тяжким вздохом он уселся за письменный стол. Под дверью перешептывались. «Наверно, табличку мою разглядывают», — с гордостью подумал Виктор. Табличка была черная, блестящая, и на ней золотыми буквами было выведено: *Виктор Гец, детектив. Расследования любой сложности.* Надпись он заказал на трех языках, ведь к нему нередко приходят и клиенты-иностранцы. И латунную львиную голову с тяжелым кольцом в пасти, чтобы в дверь стучать, он как раз сегодня утром надраил до блеска.

«Ну что они там?» — подумал он, раздраженно барабаня пальцами по подлокотнику кресла. И в нетерпении крикнул:

— Avanti!¹

Дверь отворилась, и в кабинет Виктора, который одновременно служил ему и гостиной, вошли двое — мужчина и

женщина. Теперь они неприязненно озирались, разглядывая его кактусы, коллекцию усов и бород, стоячую вешалку с уймой шляп и беретов, кепок и даже париков, огромную карту города на стене и крылатого льва, что красовался на столешнице, прикидываясь пресс-папье.

— Вы говорите по-английски? — поинтересовалась женщина, хотя и ее итальянский звучал совсем неплохо.

— Разумеется, — ответил Виктор, указывая на стулья возле своего стола. — Это мой родной язык. Чем могу служить?

Посетители в нерешительности присели. Мужчина с хмурым видом скрестил руки на груди, женщина не сводила глаз с моржовых усов Виктора.

— Ах, это. Да это же для маскировки, — пояснил он, сдирая усы. — В нашем деле без этого никак. Так чем могу служить? Что-нибудь украдено, похищено, утеряно?

Ни слова не говоря, женщина полезла в сумочку. Локоны у нее были пепельно-белокурые, носик остренький, а плотно сжатые губы явно не приучены улыбаться. Ее спутник был настоящий исполин, по меньшей мере на две головы выше Виктора. Правда, нос у него изрядно облупился на солнце, а маленькие глазки смотрели совершенно бесцветно. «Этот, наверно, шуток не понимает», — подумал Виктор, стараясь запечатлеть в памяти лица обоих визитеров. Телефонные номера он запоминал неважно, зато вот лица не забывал никогда.

— Скорее утеряно, — сообщила наконец женщина, придвигая ему через стол фотокарточку. По-английски она говорила явно лучше, чем по-итальянски.

С фотографии на Виктора глянули двое мальчишек: один совсем маленький, белобрысый, с улыбкой до ушей, второй

постарше, серьезный, темноволосый. Старший обнял малыша за плечи, словно желая укрыть и защитить его от всех бед на свете.

— Дети? — Виктор удивленно поднял голову. — Чего и кого только мне не приходилось разыскивать... Забытые чемоданы, исчезнувших супругов и собак, сбежавших ящериц, но вы первые, кто приходит ко мне с такой пропажей, как дети. Господин и госпожа... — Он выжидательно глянул на обоих.

— Хартлиб, — проронила женщина. — Эстер и Макс Хартлиб.

— И это не наши дети, — добавил мужчина с нажимом.

Востроногая стрельнула в мужа сердитым взглядом.

— Проспер и Бонифаций — сыновья моей покойной сестры, — пояснила она. — Она растила их одна, без мужа. Просперу недавно исполнилось двенадцать, а Бо — тому всего пять.

— Проспер и Бонифаций, — пробормотал Виктор. — Какие необычные имена! Проспер, если не ошибаюсь, означает «счастливый»?

Эстер Хартлиб даже брови вскинула от неожиданности.

— В самом деле? Что ж, но я считаю, все равно имена странные, это еще мягко говоря. Сестра моя, знаете ли, питала склонность ко всему странному. И когда она три месяца назад скоропостижно скончалась, мы оба, я и мой муж, тотчас же подали документы на усыновление Бо, своих-то детей у нас, к сожалению, нету. Но усыновить еще и старшего брата мы никак не можем. Каждый разумный человек это поймет, однако Проспер почему-то страшно возмутился. Ну просто как с цепи сорвался! Кричал, будто мы хотим у него брата отнять! И это притом что у него ведь было бы право раз в месяц навещать Бо. — Лицо ее, и без того бледное, побледнело сейчас еще сильнее.

— А месяца два назад мальчишки сбежали, — продолжил вместо нее Макс Хартлиб. — Из дома гамбургского дедушки, к которому мы их пока что отправили. Проспер способен младшего на любую глупость подбить, и все указывает на то, что он именно сюда, в Венецию, малыша и притащил.

Виктор недоверчиво приподнял брови.

— Из Гамбурга в Венецию? Не далековат ли маршрут для двоих мальчуганов? А в здешнюю полицию вы уже обращались?

— Конечно! — Эстер Хартлиб чуть не задохнулась от возмущения. — Только не слишком-то они там себя утруждают. Ничего не нашли, хотя не думаю, что так уж это сложно — отыскать двоих бедняжек, которые совсем одни, словно сиротки...

— А мне, к сожалению, по служебным делам срочно нужно возвращаться домой, — перебил ее супруг. — Вот почему мы хотели бы, господин Гец, дальнейшие поиски мальчишек поручить вам. Портье в отеле нам вас порекомендовал.

— Очень мило с его стороны, — буркнул Виктор, теребя кончиками пальцев свои накладные усы. Брошенные на столе, возле телефона, они смахивали сейчас на дохлую зверушку. — Но почему, собственно, вы так уверены, что они именно в Венецию подались? Не на гондолах же кататься...

— Это все их мать! — Эстер Хартлиб сжала губы и с тоской уставилась в запыленное окно. Там, топорща на ветру сизые перья, сидел на балконной решетке нахохлившийся голубь. — Понимаете, моя сестра постоянно им про этот город рассказывала. Что тут и львы крылатые, и церковь из чистого золота, что на крышах драконы и ангелы, а вдоль каналов бесчисленные лестницы взбегают вверх от самой воды, чтобы водяным, видите ли, по ночам удобнее было выходить прогуляться по суше. — Она неодобрительно покачала головой.

— И всю эту чушь моя сестрица умудрялась рассказывать так, что даже я иногда почти готова была ей поверить. Венеция, Венеция, Венеция! Бо без конца этих крылатых львов рисовал, ну а Проспер, тот вообще только матери в рот и глядел, каждое слово ловил. Вот, наверно, и решил, что если уж они с Бо сюда доберутся, то прямо в сказку попадут... Бог ты мой. — Она сморщила носик, бросив презрительный взгляд за окно на все эти старые, обшарпанные дома, с которых осыпается штукатурка.

Ее муж деловито поправил галстук.

— Нам стоило немалых денег проследить их путь досюда, господин Гец, — сказал он. — Мальчишки здесь, оба, я вам ручаюсь. Где-нибудь тут, в этом, в этом...

— В этом бедламе, — договорила Эстер Хартлиб за мужа.

— Что ж, здесь, по крайней мере, машин нет, под которые они могли бы угодить, — пробормотал Виктор, оборачиваясь и устремив задумчивый взгляд на карту города, на густую, запутанную сеть его каналов и переулков. Потом снова обернулся и, погрузившись в раздумья, принялся ножом для разрезания писем царапать на поверхности стола маленьких человечков, покуда Макс Хартлиб многозначительным покашливанием не прервал его размышления.

— Господин Гец, так вы беретесь за это дело?

Виктор еще раз внимательно глянул на фото, на эти столь разные лица — такое серьезное у старшего и такое беззаботно-улыбчивое у младшего — и кивнул.

— Хорошо, я берусь, — ответил он. — Уж разыщу как-нибудь. Вид у обоих и вправду не слишком-то взрослый для самостоятельной жизни. Скажите, а вот вы в детстве убегали из дома?

— Господи, да конечно нет. — Эстер Хартлиб глянула на него обескураженно. Ее муж только насмешливо головой покачал.

— А я вот убежал. — Виктор сунул фото обоих мальчуганов под крылатого льва. — Только один. Брата, к сожалению, у меня не было. Ни младшего, ни старшего. Оставьте мне ваш адрес и телефон. А теперь давайте поговорим о моем гонораре.

Пока Хартлибы ковыляли вниз по неудобной узкой лестнице, Виктор вышел на балкон. Ветер сразу же дохнул холодом ему в лицо, от близости моря привкус у ветра был солоноватый. Виктор зябко поежился и, облокотясь на ржавые перила, стал наблюдать, как Хартлибы ступают на мостик, что переброшен через канал двумя домами дальше. Мостик был красивый, но Хартлибы этого не замечали. С брюзгливыми физиономиями они перебрались на другой берег, не удостоив и взглядом кудлатого пса, что скалился на них с проезжающей внизу лодки, и уж тем более не плюнув в воду через перила, как это всегда делал Виктор.

— Что ж, кто сказал, что клиенты обязательно должны нравиться? — буркнул он, склоняясь над двумя черепаками, которые уже давно тянули свои морщинистые шеи из картонной коробки. — Лучше уж такие родители, чем вовсе никаких. А может, не лучше, а? Вы-то как считаете? Вот у вас, черепах, вообще бывают родители?

Погрузившись в свои мысли, он устремил взгляд вслед за течением канала, вдоль всех этих домов, чьи каменные цоколи днем и ночью омывает и точит вода. Вот уже больше пятнадцати лет живет он в Венеции, а сказать, что знает город до последнего закоулка, все еще не может. И никто не может! Так что найти здесь двух мальчишек, если только они сами не захотят найтись, будет ох как нелегко. Столько здесь закутков,

столько подворотен и проходных дворов, столько узеньких улочек, названия которых не упомнишь. А у некоторых и названий-то нет. Заколоченные церкви, пустующие дома. Для игры в прятки ничего лучше и не придумаешь.

Черепахи неспешно объедали протянутый им лист салата.

— Пожалуй, надо будет сегодня на ночь вас в дом занести, — сказал Виктор. — Этот ветер пахнет зимой.

Ландо и Пауло преданно смотрели на него своими выпуклыми, без ресниц, глазками. Иногда он своих черепах путал, но не особенно из-за этого переживал. Он их нашел на рыбном рынке, выслеживая одну пропавшую персидскую кошку. Он извлек беглую аристократку из вонючей бочки сардин и, когда наконец обезопасил себя от ее когтей и зубов, засунув негодяйку в картонную коробку, вдруг увидел этих двух черепах — среди множества снующих людских ног они чинно и невозмутимо куда-то шествовали. И только когда Виктор их подобрал, они замерли, испуганно втянув в панцири свои маленькие головки.

«Так с чего же мне начать поиски мальчишек? — думал Виктор. — С детских приютов? Или с больниц? Невеселые места».

Впрочем, он вполне может обойтись и без этих тягостных визитов. Эту работу за него наверняка уже проделали Хартлибы. Он перегнулся через перила балконной решетки и плюнул вниз, в темные воды канала.

Бо и Проспер. Красивые имена, подумал он. Странные, конечно, но все равно красивые.

Странная тройца

Чутье не подвело Хартлибов. Проспер и Бо действительно сумели добраться до самой Венеции. Они ехали долго, ужасно долго, дни и ночи напролет тряслись в грохочущих поездах, прячась от кондукторов и не в меру любопытных старушек. Запирались в вонючих вагонных клозетах, спали вповалку в темных закутках, тесно прижавшись друг к дружке, голодные, усталые, продрогшие. Но доехали — и все еще были неразлучны.

Так что когда их тетя Эстер присаживалась на стул в кабинете Виктора, ребята стояли в подворотне всего лишь в нескольких шагах от знаменитого моста Риальто. И им тоже назойливо задувал в уши холодный ветер, нашептывая, что теплые денечки теперь позади. Но в одном Эстер просчиталась. Проспер и Бо были не одни. Вместе с ними в подворотне стояла девочка, тоненькая, с каштановыми волосами, туго заплетенными в косу, которая, словно длинное жало, тянулась вдоль спины до самого пояса. Этой косице она и обязана была своим прозвищем — Оса. И ни на какие другие имена отзываться не желала.

Сейчас, наморщив лоб, она внимательно изучала замызганную записку, не обращая внимания на протискивающихся мимо прохожих, которые то и дело задевали ее кто локтем, кто сумкой, кто туго набитым пластиковым пакетом.

— По-моему, всё взяли, — сказала она наконец своим тихим, с хрипотцой голосом, который сразу так понравился Просперу, даже когда он еще ни слова не мог разобрать на этом чужом, непонятном языке, что так легко и быстро лился с ее уст. — Вот только батареек для Моски у нас еще нет. Где бы нам их раздобыть?

Проспер пригладил свои темные волосы, убирая их со лба.

— Вон там, в переулочке, я знаю магазинчик электротоваров, — сказал он, заботливо поднимая на братишке воротник курточки: он заметил, что Бо от холода вжимает голову в плечи.

И они снова влились в поток прохожих. Это был рыночный день, так что и на самом мосту Риальто, и в прилегающих переулках народу было еще больше, чем обычно. Стар и млад, мужчины, женщины, дети — все были тут, все толклись у лотков и прилавков, протискивались вперед, пятились назад, обвешанные и нагруженные сумками и пакетами. Старухи, никогда в жизни не покидавшие этот город, и туристы, приехавшие сюда на один лишь день, чтобы его посмотреть, — все высыпали на улицу. Вокруг пахло осенними цветами, сушеными грибами и конечно же рыбой.

— Оса! — Бо схватил девочку за руку, одаривая ее одной из самых неотразимых своих улыбок. — Купи мне вон то маленькое пирожное!

Оса ласково потрепала его по щеке, но непреклонно покачала головой.

— Нет, — решительно сказала она, подталкивая его дальше.

Лавка электротоваров, которую высмотрел Проспер, оказалась совсем крохотная. Однако в витрине среди кофеварок и тостеров нашлось место и игрушкам, перед которыми Бо в восхищении замер.

— Но я же есть хочу, — прохныкал он, упираясь ручонками в витринное стекло.

— Ты всегда есть хочешь, — отрезал Проспер, открывая дверь магазинчика и пропуская Осу к прилавку: сам он вместе с Бо остался на пороге.

— Scusi², — обратилась она к пожилой продавщице, которая, стоя к ней спиной, смахивала пыль с товаров. — Мне нужны две батарейки для транзисторного приемника.

Женщина положила батарейки в маленький пакетик, а в придачу протянула Осе еще пригоршню карамелек.

— Ах, какой славный малыш! — сказала она и весело подмигнула Бо. — Белокурый, ну прямо ангелочек. Это что, братья твои?

— Нет. — Оса покачала головой. — Вернее, братья, но только двоюродные. Погостить приехали.

Проспер попытался заслонить собой Бо, но тот ловко проскользнул у него под рукой и, подскочив к прилавку, хапнул пригоршню леденцов.

— Grazie!³ — поблагодарил он и тут же шмыгнул обратно к Просперу.

— Un vero angelo!⁴ — восхитилась продавщица, укладывая деньги в ящичек кассы. — Только скажи его матери, пусть штаны ему зашьет да и одевает потеплее. Зима на носу. Слыхали, как ветер-то сегодня в трубах завывал?

— Обязательно скажем, — пообещала Оса, засовывая батарейки в свою туго набитую сумку. — Всего хорошего, синьора.

— Ангелочек! — передразнивая, повторил Проспер, когда они снова нырнули в уличную суматоху. — Дались же им всем твои белокурые локоны и круглая мордашка, а, Бо?

Но братишка в ответ только показал ему язык, сунул в рот леденец и кинулся вперед. Да так резво, что двое старших с

трудом за ним поспедали. Юркий, как рыба, он так и шнырял между прохожими.

— Бо, не так быстро! — недовольно крикнул Проспер ему вслед, но Оса только усмехнулась.

— Да пусть себе! — сказала она. — Уж как-нибудь не потеряется. Вон он, видишь.

Вдалеке Бо скорчил им рожицу и попытался на одной ножке обскакать оброненный кем-то апельсин, но споткнулся и плюхнулся прямо под ноги целой группе японских туристов. Он испуганно вскочил и тут же расплылся в улыбке, заметив, как две японки потянулись за фотоаппаратами. Но не успели они начать щелкать, как Проспер, решительно ухватив братца за шкуру, поволок его дальше.

— Сколько раз тебе говорить: не давай себя фотографировать! — шипел он на ходу.

— Да ладно, ладно! — Бо вырвался у него из рук и ловко перепрыгнул через брошенную кем-то пустую сигаретную пачку. — Это же были китайцы. Тетя Эстер никогда в жизни не увидит, что они там нащелкали. К тому же она уже давно взяла себе другого мальчика. Ты сам говорил.

Проспер кивнул.

— Да-да, так оно и есть, — пробормотал он. Но при этом посмотрел по сторонам так, будто тетя прячется где-то тут, в толпе, совсем рядом, готовая в любую секунду выскочить и схватить Бо в охапку.

От Осы его взгляд не укрылся.

— Опять про тетю вашу вспомнил, да? — спросила она, понизив голос, хотя Бо давно уже снова неся где-то впереди. —

Да забудь ты о ней, она давно уже вас не ищет. А если даже и ищет, то где угодно, только не здесь.

Проспер пожал плечами, недоверчиво разглядывая спины двух впереди идущих женщин.

— Наверно, — не слишком уверенно согласился он.

— Да точно, — все тем же сдавленным шепотом настаивала Оса. — И прекрати наконец из-за этого переживать.

Проспер кивнул. Хотя отлично знал, что переживать не прекратит: не может. По ночам Бо спит сладко, как котенок, а ему, Просперу, чуть ли не каждую ночь эта Эстер снится. Сварливая, вечно всех понукающая Эстер, прилизанная лаком для волос, словно клеем.

— Эй, Проп! — Как из-под земли перед ними снова возник Бо, радостно протягивая Просперу туго набитый бумажник. — Смотри-ка, что я нашел!

Проспер испуганно выхватил бумажник у него из рук и стремглав потащил братца прочь из толпы, под арку ближайшей подворотни. И лишь там, за штабелем пустых ящиков, в которых голуби лакомились остатками фруктов, он остановился.

— Откуда это у тебя, Бо?

Бо обиженно надул губы и строптиво уткнулся лбом Осе в плечо.

— Говорю же тебе: нашел! У дядьки лысого из заднего кармана вывалился. Он даже не заметил, а я и подобрал.

Проспер издал горестный стон.

С тех пор как они были предоставлены самим себе, ему пришлось научиться воровать сперва просто еду, а потом и деньги. Как он это ненавидел! И страшно было всякий раз до смерти, аж руки тряслись. А Бо, наоборот, нравилось, для него это было как захватывающая, азартная игра. Но Проспер строго-настрого запретил ему воровать и теперь, поймав его за этим делом, всякий раз жутко ругался. Этак, чего доброго, Эстер еще обвинит его в том, что он растит братишку вором.

— Ладно, Проп, не распаляйся, — сказала Оса, прижимая Бо к себе. — Он же говорит: нашел, не украл. А хозяина все равно не сыскать. Посмотри-ка лучше, сколько там.

Проспер боязливо раскрыл бумажник. Иностранцы, толпами валившие в город Луны, чтобы полюбоваться его дворцами и соборами, постоянно что-то теряют. По большей части это пластмассовые веера и карнавальные маски, что продаются тут на каждом углу. Но иной раз у кого-нибудь то ремешок фотоаппарата оборвется, то вдруг пачка мелких купюр из кармана просыплется или вот такой толстенный бумажник выпадет. Дрожащими от нетерпения пальцами Проспер обшарил все отделения бумажника, но среди мятых кассовых чеков, ресторанных счетов и использованных билетиков на катер нашлось, увы, лишь несколько жалких бумажек — пара тысяч лир.

— Вот было бы здорово! — Оса с нескрываемым разочарованием проводила глазами бумажник, который Проспер небрежно отшвырнул в пустой ящик. — А то в кассе у нас почти совсем пусто, одна надежда, что Король воров сегодня опять что-нибудь нам подбросит.

— Конечно, подбросит! — Бо посмотрел на Осу так, будто та усомнилась, что земля круглая. — И когда-нибудь я тоже пойду вместе с ним на дело. Когда-нибудь я тоже стану настоящим вором! Сципио обязательно меня научит!

— Только через мой труп, — буркнул Проспер, решительно выталкивая Бо обратно на улицу.

— Да пусть себе болтает! — шепнула Оса Просперу так, чтобы Бо, с оскорбленной миной плетшийся впереди, ее не услышал. — Или ты и вправду думаешь, что Сципио станет брать его с собой?

Проспер покачал головой, но выражение озабоченности с его лица не исчезло. Как же трудно оказалось присматривать за братишкой! С тех пор как они смылись от дедушки, Проспер не меньше трех раз на дню спрашивал себя, верно ли поступил, взяв с собой брата. Как устало, еле-еле плелся за ним братец в ту ночь побега! Пока шли на вокзал — а путь туда неблизкий, — он ни разу не выпустил руку Проспера из своей. Хотя до Венеции добраться оказалось проще, чем Проспер предполагал. Но когда они прибыли на место, уже настала осень и воздух был вовсе не такой теплый и ласковый, как он себе представлял. Сырой стылый ветер дул им навстречу, когда они спускались по вокзальной лестнице, плечом к плечу, оба в слишком легких одежках, почти без вещей — только рюкзачок у Проспера за спиной да легкая сумка в руках. Карманные деньги, что были у Проспера, быстро кончились, и уже после двух ночей, проведенных в сырых венецианских переулках, Бо начал кашлять, да так страшно, что Проспер подхватил его под руку и решительно направился искать первого же полицейского.

«Извините, — собирался сказать он, с трудом подбирая немногие итальянские слова, какие тогда знал, — мы сбежали из дома, но мой братишка заболел. Не могли бы вы позвонить моей тете, чтобы она его забрала?»

Вот в каком он был отчаянии. Но тут объявилась Оса.

Она отвела Проспера и Бо в их «обитель», к Риччио и Моске, где им тут же выдали кое-какие теплые вещи и даже накормили

горячим обедом. И заявила Просперу, что голодать и воровать им пока что не придется, потому что Сципио, Король воров, о них позаботится. Точно так же, как заботится он о ней и ее друзьях, Риччио и Моске.

— Остальные давно уже нас ждут. — Голос Осы столь резко вырвал Проспера из размышлений, что он не сразу сообразил, где находится. В узком проходе между домов пахло кофе, выпечкой и мышами. Совсем не так, как пахнет дома.

— Вот именно, — подхватил Бо. — А нам еще убирать надо. Сципио не любит, когда у нас грязь.

— Да, уж тебе-то не мешало бы поработать, — усмехнулся Проспер. — Кто вчера целое ведро воды в доме опрокинул?

— И мышам тайком сыр подкладывает! — Оса хихикнула, когда Бо обиженно ткнул ее локтем в бок. — И это притом что наш Король воров больше всего на свете ненавидит мышиные какашки. К сожалению, в дивной обители, которую он для нас подыскал, этого добра полным-полно и протопить ее тоже почти невозможно. Жилище поскромнее, чем эта роскошная обитель, было бы, наверно, куда удобнее, но Сципио и слышать об этом не желает.

— Звездная обитель, — поправил ее Бо, заворачивая вслед за старшими в переулок, где народу было уже значительно поменьше. — Сципио говорит, она называется «звездная обитель».

Оса только вздохнула, закатив глаза.

— Смотри, скоро он совсем тебя слушать перестанет, только Сципио, — шепнула она Просперу.

— Ну и что? Я-то что могу поделаться? — отозвался тот.

Проспер отлично понимал: только Сципио они обязаны тем, что не должны больше ночевать на улице, и это сейчас, когда вечерами на каналы опускается туман и серой, промозглой пеленой заползает в переулки. Это Сципио, возвращаясь с очередного «дела», пополняет деньгами кошелек, из которого они сегодня расплачивались за макароны и овощи. Это Сципио раздобыл башмаки, в которых у Бо перестали мерзнуть ноги, — пусть даже они немного ему великоваты. Это Сципио заботится о том, чтобы они не добывали себе на пропитание воровством, и только благодаря ему у них теперь снова есть свой дом, причем без Эстер. Но Сципио — вор.

Переулки, которыми они шли, становились все уже. Вместе с домами их все плотнее обступала тишина, и уже вскоре они оказались в потаенной сердцевине города, где чужаков можно повстречать лишь изредка. Заслышав шаги ребят, торопливо шмыгали в свои подворотни пугливые кошки. Голуби ворковали с крыш, а под сотнями мостов хлюпала и плескалась вода, облизывая лодки, деревянные сваи и неумолимо показывая в своем черном зеркале окружающим домам их древние образины. Все глубже и глубже в хитросплетение улочек и переулков удалялись дети, скорей, скорей мимо домов, сжимавших мостовые будто тисками и склонявшихся над ними, как каменные истуканы, лишенные ног и завидующие из-за этого людям.

Дом, в котором находилась их обитель, стоял среди соседних зданий словно карапуз среди взрослых: низенький, плоский, совсем без украшений, он странно смотрелся среди всех этих пышных фасадов и арок. Своими заколоченными окнами он слепо таращился на мостовую. По стенам были расклеены давно поблекшие киноафиши, а просторный вход плотно закрывали широкие, ржавые жалюзи. Над ними кособоко красовались буквы из стеклянных трубочек: СТЕЛЛА — Звезда. Гордое имя заброшенного кинотеатра, который так неказисто смотрелся рядом с окружающими его старинными зданиями, давно не

светилось. Но тем, кто нашел теперь приют под его крышей, было от этого только спокойнее.

Оса бдительным взором окинула всю улицу, Проспер удостоверился, что никто не глазеет на них из окон, и только после этого они один за другим шмыгнули в узкий проход, что отделял кинотеатр от соседнего здания.

Наконец-то они снова дома.

Звездная обитель

Водяная крыса испуганно шмыгнула у них из-под ног, когда ребята пробирались по узкому проходу между домами. Лаз этот, как и многие улочки и переулки города, вел к каналу, однако Оса, Проспер и Бо, пройдя лишь несколько шагов, остановились возле металлической двери в глухой, вовсе без окон, боковой стене. Корявыми буквами кто-то намалевал на ней надпись «Vietato l'ingresso» — «Проход воспрещен». Прежде эта дверь была одним из запасных выходов кинотеатра, теперь же за ней скрывалось убежище, о котором никому, кроме шестерых ребят, не было известно.

Проспер дважды энергично дернул за шнурок, болтавшийся сбоку от двери, подождал немного и дернул в третий раз. Это был условный звонок, однако все равно открыли им не сразу. Бо уже начал нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, когда они наконец услышали, как за дверью кто-то отодвигает щеколду. Дверь, однако, приотворилась лишь на узенькую щелочку.

— Пароль? — спросил чей-то бдительный голос.

— Брось, Риччио, ты же прекрасно знаешь, мы никогда не можем его запомнить, — с досадой пропыхтел Проспер.

Но тут к двери подскочила Оса и зашипела прямо в щель:

— Ежик, ты видишь, что я с сумками? Я от самого рынка Риальто их тащу. У меня руки скоро вытянутся, как у обезьяны, так что давай открывай!

— Да ладно, ладно. Лишь бы Бо опять на меня Сципио не наябедничал, как в прошлый раз. — Риччио с озабоченным видом открыл дверь. Это был худенький мальчик, чуть ли не на голову ниже Проспера, хоть они и были почти ровесники. Так, по крайней мере, Риччио утверждал. Его непокорные

каштановые волосы всегда стояли торчком, что и принесло ему его прозвище Риччио, то есть Ежик.

— Вечно Сципио выдумывает эти пароли дурацкие, которые никто из нас запомнить не может, — ворчала Оса, протискиваясь в дверь. — Условного звонка вполне достаточно.

— Сципио так не считает. — Риччио деловито задвинул щеколду.

— Тогда пусть придумывает такие, чтобы полегче запоминались. Ты сам-то хотя бы последний помнишь?

Риччио озадаченно почесал в затылке.

— Погоди-ка. «Пипеткум кобеле»⁵. Или что-то вроде того.

Бо захихикал, а Оса только глаза закатила.

— А мы уже уборку начали, — рассказывал Риччио, карманным фонариком освещая им путь по длинному коридору. — Правда, пока не слишком-то много успели. Моска все время только радио свое мастерить хочет. А до этого мы перед дворцом Пизани торчали, только час, наверно, как оттуда ушли. С какой стати Сципио именно этот дворец для следующего налета выбрал, ума не приложу. Там, что ни вечер, обязательно что-нибудь происходит — приемы, праздники всякие, по-моему, чуть ли не все знатные семейства города каждый вечер там. И как только он думает незаметно туда пробраться?

Проспер лишь плечами передернул. Его и Бо Король воров еще ни разу не посылал наблюдать, как он говорил, «за будущими клиентами», хотя Бо без конца его об этом упрасивал. Но обычно, когда требовалось наблюдать за дворцами, куда Сципио планировал нанести ночной визит, выбор падал на Риччио и Моску. Он называл этих двоих своими

глазами, тогда как Осе надлежало следить за тем, чтобы деньги, вырученные от продажи воровской добычи, не слишком быстро расходовались. Что же до Проспера и Бо, то им как новичкам дозволялось иногда сопровождать Сципио на продажу добычи или, как вот сегодня, ходить за покупками. Проспера ни к чему такому и не тянуло. Но Бо — тот об одном только и мечтал: как он будет вместе со Сципио пробираться в самые богатые дома города и красть оттуда красивые вещицы вроде тех, какие Король воров приносит в обитель после каждого своего набега.

— Сципио куда угодно проникнет! — гордо провозгласил Бо, весело скача вприпрыжку рядом с Риччио. Два прыжка на левой ноге, два скачка на правой — Бо редко двигался вперед нормально, он либо скакал вприпрыжку, либо мчался сломя голову. — Он даже из Дворца дождей сумел украсть, и то его не поймали! А все потому, что он Король воров!

— Ах да, налет на Дворец дождей! И как это мы могли позабыть такое! — Оса бросила Просперу насмешливый взгляд. — Ручаюсь, даже вы уже слышали эту историю раз сто, верно?

Проспер только улыбнулся в ответ.

— Что до меня, то я готов слушать ее хоть тысячу раз, — изрек Риччио, отодвигая темную, пропахшую пылью портьеру.

Кинозал, за ней открывшийся, на вид был даже не очень старый, но пребывал в куда большем запустении, чем иные дома, простоявшие в городе не одно столетие. Там, где прежде красовались на стенах большие хрустальные светильники, теперь торчали только запыленные обрывки проводов. Ребята установили несколько монтажных ламп, раздобытых на стройке и кое-как освещавших зал, но даже в этом скудном свете нетрудно было разглядеть, что штукатурка на потолке во многих местах уже обвалилась. Кресла из зала давно поубирали, только первые три ряда остались стоять, но и в них тут и там

зияли бреши. В красных плюшевых сиденьях теперь поселились мыши, а красивый, усыпанный звездами занавес был весь изъеден молью. Тем не менее он еще хранил свое бывшее великолепие. Золотое шитье на матовой синеве ткани все еще мерцало так таинственно, что Бо хотя бы раз на дню обязательно проводил рукой по этим вышитым золотым звездам.

Перед занавесом, на голом полу сцены, сидел мальчик и что-то свинчивал в старом радиоприемнике. Он настолько поглощен был этим занятием, что не заметил, как Бо подкрался к нему сзади. И только когда тот прыгнул ему на спину, Моска испуганно вскинулся.

— Господи, Бо! — завопил он. — Я же чуть себе руку не пропорол отверткой!

Но Бо уже и след простыл. Ловкий, словно белка, он шмыгнул куда-то между рядами кресел.

— Ну погоди, крысенок! — воскликнул Моска, пытаясь отрезать Бо путь к бегству. — Вот сейчас поймаю и на сей раз защекочу так, что ты у меня лопнешь!

— Проп, на помощь! — голосил Бо, но Проспер, ухмыляясь, стоял неподвижно и даже не думал выручать братца, когда Моска наконец сгреб его в охапку.

Моска был самый рослый и сильный среди них, так что, сколько Бо ни брыкался и ни изворачивался, Моска его не отпускал. Все так же невозмутимо, с брыкающимся Бо под мышкой, он подошел к остальным.

— Как вы считаете, что лучше: защекотать его сейчас или пусть умрет с голоду у меня в руках? — спросил он.

— Отпусти меня сейчас же, рожа чумазая! — орал Бо.

Лицо да и вся кожа у Моски и вправду были до того смуглые, что Риччио любил повторять: Моске достаточно просто встать в тень, и его никто не увидит.

— Ладно, так и быть, на сегодня я тебя прощаю, карапуз, — сказал Моска, все еще не выпуская пыхтящего Бо из своих сильных рук. — Краску для лодки мне принесли?

— Нет, — ответила Оса, ставя свои сумки на одно из кресел. — Купим, когда Сципио придет с новой добычей. Сейчас нам это не по карману.

— Но у нас же еще полно денег во второй кассе! — Моска наконец поставил Бо на ноги и сердито скрестил руки. — На что тебе такая прорва денег?

— Сколько раз надо вам объяснять? Это деньги на черный день. — Оса притянула к себе Бо. — Как насчет того, чтобы оттащить припасы в кладовку?

Бо кивнул и столь стремительно кинулся исполнять просьбу, что едва не растянулся на полу. Все сумки, одну за другой, он оттащил к большой двустворчатой двери, через которую когда-то входили в зал зрители. За ней, в вестибюле, все еще стояла холодильная камера для мороженого и напитков. Она, конечно, давно уже не работала, но в качестве кладовки годилась вполне.

Покуда Бо вытаскивал в вестибюль тяжеленные сумки, разочарованный Моска снова присел возле своего радио.

— Дорого, дорого! — бурчал он. — Если и дальше с покраской будем тянуть, моя лодка сгниет к чертям. А вам на это плевать, крысы вы сухопутные. На книжки свои Оса всегда деньги находит.

На это Оса ничего не ответила. Она молча принялась подбирать с пола бумагу и прочий мусор, а Проспер тем

временем взялся за веник — выметать мышиный помет. Книжек у Осы было много. Изредка она себе даже покупала какую-нибудь, это правда, но в большинстве своем ее библиотеку составляли дешевые карманные издания, просто выброшенные туристами. Оса выуживала их из урн, разыскивала под скамейками вапоретто — просторных катеров, заменяющих в Венеции автобусы, — или на вокзалах. За стопками книг, высившимися вокруг ее ложа, матраса было почти не видно.

Спали они все в задней части зала, вплотную друг к другу, потому что ночью, когда они гасили светильники и задували последнюю свечу, огромный, совсем без окон кинозал заполнялся такой крошечной чернотой, что они казались себе в нем маленькими, беззащитными букашками. И спасало от этого чувства только тепло товарищей.

Матрас Риччио был весь завален замызганными тетрадками дешевых комиксов, а в его спальном мешке обитало столько плюшевых зверушек, что сам он с превеликим трудом туда втискивался. Зато ложе Моски нетрудно было узнать по ящичку с инструментом и связке удочек и прочей рыболовной снасти по бокам. Кроме того, под подушкой у него хранилось главное его сокровище, его талисман: медный морской конек, точь-в-точь такой, какие укреплены в качестве украшения на носах большинства гондол Венеции. Моска, правда, клялся и божился, что своего конька он не с гондолы украл, а выудил со дна канала прямо за кинотеатром.

— Краденый талисман одни несчастья приносит, — пояснял он наставительно. — Это ж любой дурак знает.

Проспер и Бо делили один матрас на двоих. Так и спали на нем, прижавшись друг к другу. В изголовье, аккуратно разложенная, красовалась собранная Бо коллекция пластмассовых вееров: шесть штук, все во вполне приличном состоянии. Самым красивым, по мнению Бо, все еще оставался